

УДК 343.131.8

ПРЕДЕЛЫ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ГРАНИ СПРАВЕДЛИВОГО

© **Андрей Анатольевич ТИМОШЕНКО**

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация, кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры основ организации и управления
в органах прокуратуры; Российский журнал правовых исследований,
зам. главного редактора, e-mail: antim1@yandex.ru

Проанализированы случаи изменения уголовно-процессуального законодательства, направленные на его т. н. «либерализацию и гуманизацию». Наблюдаемые на протяжении последних десятилетий процессы формирования сильной процессуальной фигуры обвинения, предоставления ему значительных полномочий сопровождаются видимым невооруженным взглядом перекосом в сторону увеличения полномочий лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Можно сказать, что мы становимся свидетелями становления в какой-то степени сословной процессуальной формы. Рассматриваются вопросы о том, насколько оправдана данная идея, каким образом ее реализация позволит обеспечить сохранение устоев традиционного отечественного уголовного судопроизводства – о многих других связанных проблемах. Предлагается некоторым образом ограничить распространение подобных инициатив в целях обеспечения прав граждан на доступ к правосудию на справедливых началах. При этом справедливость здесь опирается не только на равенство всех перед законом, а скорее на предоставление всем лицам, вовлеченным в уголовный процесс, равных возможностей в зависимости от конкретной судебно-следственной ситуации по делу. Представляется, что единство процессуальной формы должно соблюдаться во всех случаях в любой стадии судебной реформы. Превращение отечественного уголовного судопроизводства в аналог американского может пагубно сказаться на будущем страны, ее перспективах на международной арене.

Ключевые слова: гуманизация уголовно-процессуального закона; доступ к правосудию; справедливость.

В юридической литературе проблемам противодействия применению необоснованных репрессий уделялось достаточно много внимания. Первые попытки обосновать недопустимость бесконтрольного со стороны власти и общества действия правоохранительных органов предпринимались в условиях развенчания культа личности И.В. Сталина, на волне борьбы с перегибами [1–4]. Выстраивались соответствующие теоретические модели¹, уголовно-процессуальный закон получил некоторую систему сдержек и противовесов от произвола правоохранительных органов: по сравнению с УПК РСФСР 1926 г. (особенно в редакции Постановления ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г.) в УК РСФСР 1960 г. вслед за Основами уголовного судопроизводства Союз ССР и союзных республик 1958 г. предусмотрены принципы недопустимости привлечения к уголовной ответственности иначе как на основании и в по-

рядке, предусмотренном законом, осуществления правосудия в соответствии с принципами равенства граждан перед законом и судом, участия народных заседателей в отправлении правосудия, родного языка уголовного судопроизводства, обеспечения обвиняемому права на защиту, в т. ч. предоставление возможности пользоваться помощью защитника уже на стадии досудебного производства. Одновременно с этим ликвидировались законы, устанавливавшие упрощенный порядок судопроизводства по отдельным категориям дел (вредительство, государственные преступления и т. д.), являвшимися наследием 1930-х гг. При этом закон практически не знал исключений из общего порядка судопроизводства, а протокольная форма досудебной подготовки материалов применялась лишь по несложным уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести.

Следующим значимым этапом либерализации законодательства стал период перехода от т. н. тоталитарного общества к свободной демократии, что связано с реформами

¹ Целью уголовного процесса признано быстрое и полное (читай – объективное) расследование преступления.

1990-х гг. Предтечей процесса стало появление научных работ с «говорящими» названиями: «Уголовный процесс: концепция самоограничения государства», «Наш инквизиционный процесс» и т. д. [5; 6]. Основные идеи отражены в Концепции судебной реформы¹: создание подлинно независимого суда и судейского корпуса (суд без права возбуждать уголовные дела, собирать доказательства по собственной инициативе, с судьями, имеющими высокий социально-материальный статус), распространение института присяжных заседателей. При таком суде как раз и возможна, по мнению разработчиков судебной реформы, подлинная состязательность. В этом случае для обеспечения юридического равенства сторон могут быть также задействованы дополнительные (обеспечивающие) процессуальные институты (например, право на защиту) [7].

В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, принятый в 2001 г., включены соответствующие нормы. Другое дело, что на практике, во многом благодаря позиции Конституционного суда Российской Федерации, ряд этих норм нивелирован. Здесь имеется в виду прежде всего постановление Конституционного суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П² о возможности расширительного толкования ст. 237 УПК РФ путем наделения должностных лиц стороны обвинения полномочием проводить в рамках дополнительного расследования следственные действия, устраняющие выявленные в судебном заседании недостатки.

Надо сказать, что приведенный подход к толкованию Основного закона государства путем нивелирования, на первый взгляд, неудобных для стороны обвинения норм наблюдается время от времени и на современном этапе применения УПК РФ. Так, постановлением Конституционного суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 3–7 ст. 109 и ч. 3 ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Фе-

дерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина»³ признано соответствующим Конституции РФ продление в ходе дополнительного расследования, организованного после возвращения судом уголовного дела прокурору, сроков содержания под стражей, превышающих их предельные значения, установленные ст. 109 УК РФ.

Считаем, что данные позиции вполне обоснованы ввиду необходимости при подобном толковании закона обеспечить права потерпевших на получение возмещения причиненного ущерба по приговору суда. Однако отсутствие четких критериев допустимости ущемления права на защиту может привести к несправедливости фактически применяемой в стране процедуры досудебного производства.

В ходе последующего развития России на пути становления демократического правового государства наблюдалось засилье проверяющих и контролирующих органов, в связи с чем появляются идеи дальнейшей либерализации уголовно-процессуального законодательства.

Внося изменения в Уголовно-процессуальный кодекс, законодатель, судя по пояснительным запискам к проектам федеральных законов № 336086-5 и 559740, преследовал цель защитить лишь одну социальную группу граждан – предпринимателей, обеспечить более широкое применение процедуры освобождения от уголовной ответственности в различных формах, в т. ч. ввиду совершения преступления в сфере предпринимательской деятельности.

В процессуальном законе предусмотрено неизвестное до того момента основание прекращения уголовного преследования за совершение экономических преступлений, посягающих на государственную казну – возмещение причиненного ущерба гражданам, организациям и государству. Установлен также запрет на заключение под стражу подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности [8].

В рамках данного вектора были существенно снижены пороги санкций статей Особенной части УК РФ, проведена декриминализация отдельных составов преступлений, в т. ч. экономической направленности.

¹ Утверждена постановлением ВС РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 // СПС «Консультант Плюс».

² «По делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СПС «Консультант Плюс».

³ СПС «Консультант Плюс».

Реформа процессуального закона находилась в прямой связи с изменением уголовного законодательства, а то, в свою очередь, стало следствием воплощения в жизнь заявления властей о необходимости повысить экономическую активность общества за счет ликвидации каких-либо препятствий бизнесу, снизить число лиц, содержащихся под стражей. Экономическая состоятельность такого подхода находится вне рамок нашего исследования.

Некоторые итоги реформы подвел Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая 14 ноября 2013 г. на заседании наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив, отметив, что после принятия решения о наделении возможностью налоговые органы принимать участие в возбуждении уголовных дел о налоговых преступлениях эффективность возмещения налогов в бюджет равна «практически нулю» – вместо 1 млрд по Москве возмещено 4 млн руб. [9].

Свидетельством некоторой успешности коренного изменения уголовной политики в сторону смягчения мер государственного принуждения является неподготовленность судебной системы и правоохранительных органов к гуманизации. Ярким проявлением этого стало массовое заключение под стражу лиц, подозреваемых и обвиняемых, на первый взгляд, в совершении преступлений в сфере предпринимательства. В условиях отсутствия конкретных разъяснений Верховного суда Российской Федерации, четких формулировок законодателя практика толкует достаточно широко понятие «предпринимательская деятельность», использованное в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

К примеру, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации изменила меру пресечения с заключения под стражу на залог генеральному директору ООО «Санрайз Раша» Б., обвиняемому следственными органами в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159, 160, 165 УК РФ. Б. вменялось 33 эпизода мошенничества, связанного с заключением от имени названной коммерческой организации без намерения исполнить договоров поставки различных товаров с целью хищения денежных средств, переданных в качестве аванса по ним. Судебная коллегия указала, что деятельность Б. с учетом требований

ст. 2 ГК РФ является предпринимательской, а ссылка суда на ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации (запрет на осуществление прав и свобод вопреки интересам других лиц) в обоснование отсутствия у Б. цели извлекать прибыль законным путем является надуманной¹.

До настоящего времени остается законодательно неурегулированным справедливый подход судебных инстанций, когда требования ч. 1.1 ст. 109 УК РФ не распространяются на лиц, уличенных в хищении денежных средств, полученных участниками хозяйственного оборота по государственным и муниципальным контрактам. По логике приведенного решения Верховного суда Российской Федерации такая деятельность должна также признаваться предпринимательской. Только изменения в законе, которыми бы разъяснялось для целей уголовного судопроизводства ключевое понятие «предпринимательская деятельность», позволят не допустить появление «двойных стандартов» в практике.

Деятельность по гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, видимо, будет продолжена: 30 июля 2015 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин провел рабочую встречу с Председателем Верховного суда Российской Федерации В.М. Лебедевым, в ходе которой обсуждался очередной в некоторой степени «сенсационный» законопроект, предусматривающий установление в законе процедуры освобождения от уголовной ответственности за совершение впервые² преступлений небольшой или средней тяжести в случае примирения с потерпевшим и возмещения ему ущерба, когда орган дознания будет наделен правом по сути самостоятельно, без суда, назначить наказание в виде штрафа, обязательных работ или исправительных работ (иными словами применить иные меры уголовно-правового характера) [10].

Являются также несколько нетрадиционными для правоохранительной системы

¹ Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации за второе полугодие 2010 года» № 5-О10-2016 // СПС «Консультант Плюс».

² А при такой процедуре освобождения от уголовной ответственности лицо будет считаться совершившим преступление впервые всякий раз, когда будет выявляться правоохранительными органами.

правила, заложенные в ч. 3.2 ст. 28.1 УПК РФ (введена Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ [11]), согласно которым следователь, вынесший постановление о прекращении уголовного преследования лица в рамках т. н. «финансовой амнистии», не получивший согласия руководителя следственного органа, обязан известить о случившемся фигуру, не имеющую никакого отношения к уголовно-процессуальной деятельности – Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей.

Предпосылкой появления подобного рода инициатив выступает все же инициатива политически сильных участников законотворческого процесса, что естественно и отвечает идеалам демократии.

Однако для избежания размывания круга ответственных за состояние правосудия в стране целесообразно все же заранее определиться с критериями допустимости дальнейшей либерализации и гуманизации уголовно-процессуального законодательства.

К таковым, на наш взгляд, стоит отнести:

- наличие положительного заключения экспертов по поводу применимости инициативы (пример Хомича);
- прохождение ей системы общественной экспертизы;
- недопустимость повсеместного упрощения уголовного судопроизводства.

Правоохранительная деятельность всегда должна отличаться стремлением установить истину по уголовному делу, при необходимости оправдать невиновного. В этом ее истинная либеральность и гуманность.

Справедливость процессуального закона заключается не в навязывании множества упрощенных и экономичных процедур, а в обеспечении всякому, независимо от социального положения, доступа к правосудию, т. е. полноценному рассмотрению уголовного дела на основах равноправия и состязательности сторон.

Даже в Грузии, прославившейся в 2010 г. проамериканским УПК, число уголовных дел, по которым заключены соглашения о признании вины, в 2015 г. значительно снизилось (с 70,8 % от общего числа рассмотренных по первой инстанции Верховным судом Республики Грузия дел в первом полу-

годии 2014 г. до 63,9 % в первом полугодии 2015 г.) [12].

При таких обстоятельствах мы вправе ожидать сворачивания интенсивного законотворчества относительно изменения уголовно-процессуального закона в ближайшем будущем.

1. *Строгович М.С.* Вопросы социалистической законности и гарантий личности в советском уголовном процессе // Тезисы докладов на научной сессии совета школы по материалам XX съезда КПСС. М., 1956. С. 15-19.
2. *Лукашевич В.З.* Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1955.
3. *Резенов В.П.* Полнее обеспечить права обвиняемого при окончании расследования // Вопросы кодификации советского права. Вып. 1. Л., 1957. С. 112-116.
4. *Чистяков Н.* Право обвиняемого на защиту в стадии судебного разбирательства // Советская юстиция. 1958. № 5. С. 54-57.
5. *Мизулина Е.Б.* Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991.
6. *Ларин А.М., Ларин А.М.* Наш инквизиционный процесс // Судебная власть: надежды и реальность: сборник научных статей. М., 1993. С. 60-77.
7. *Михайловская И.Б.* Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003.
8. *Соловьев И.Н.* Гуманизация законодательства, предусматривающего ответственность за совершение экономических преступлений, как «мягкая» амнистия в сфере экономики // Российский следователь. 2014. № 13. С. 35-41.
9. Заседание наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19625> (дата обращения: 20.07.2015).
10. Встреча с Председателем Верховного суда Вячеславом Лебедевым. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50076> (дата обращения: 01.08.2015).
11. Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 24. Ст. 3367.
12. Официальный сайт Верховного суда Грузии. URL: <http://www.supremecourt.ge/> (дата обращения 20.06.2015).

1. *Strogovich M.S.* Voprosy sotsialisticheskoy zakonnosti i garantiy lichnosti v sovetskom

- уголовном процессе // Тезисы докладов на научной сессии совета школы по материалам XX s"ezda KPSS. M., 1956. S. 15-19.
2. *Lukashevich V.Z.* Garantii prav obvinyaemogo v sovetskom уголовном процессе: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. L., 1955.
 3. *Rezepov V.P.* Polnee obespechit' prava obvinyaemogo pri okonchaniy rassledovaniya // Voprosy kodifikatsii sovetskogo prava. Vyp. 1. L., 1957. S. 112-116.
 4. *Chistyakov N.* Pravo obvinyaemogo na zashchitu v stadii sudebnogo razbiratel'stva // Sovetskaya yustitsiya. 1958. № 5. S. 54-57.
 5. *Mizulina E.B.* Uголовный процесс: kontseptsiya samoogranicheniya gosudarstva: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Yaroslavl', 1991.
 6. *Larin A.M., Larin A.M.* Nash inkvizitsionnyy процесс // Sudebnaya vlast': nadezhdy i real'nost': sbornik nauchnykh statey. M., 1993. S. 60-77.
 7. *Mikhaylovskaya I.B.* Tseli, funktsii i printsipy rossiyskogo uголовного sudoproizvodstva (уголовно-prozessual'naya forma). M., 2003.
 8. *Solov'ev I.N.* Gumanizatsiya zakonodatel'stva, predumtrivayushchego otvetstvennost' za sovershenie ekonomicheskikh prestupleniy, kak «myagkaya» amnistiya v sfere ekonomiki // Rossiyskiy sledovatel'. 2014. № 13. S. 35-41.
 9. Zasedanie nablyudatel'nogo soveta Agentstva strategicheskikh initsiativ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19625> (data obrashcheniya: 20.07.2015).
 10. Vstrecha s Predsedatelem Verkhovnogo suda Vyacheslavom Lebedevym. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50076> (data obrashcheniya: 01.08.2015).
 11. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2015. № 24. St. 3367.
 12. Ofitsial'nyy sayt Verkhovnogo suda Gruzii. URL: <http://www.supremecourt.ge/> (data obrashcheniya 20.06.2015).

Поступила в редакцию 10.08.2015 г.

UDC 343.131.8

THE LIMITS OF HUMANIZATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW: FAIR FACES

Andrey Anatolyevich TIMOSHENKO, The General Prosecutor's Office of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Professor of Fundamentals of Organization and Management in Prosecution Agencies Department; Russian Journal of Legal Studies, Deputy Editor-in-chief, e-mail: antim1@yandex.ru

The cases of changes in the criminal procedure legislation, aimed at so-called "liberalization and humanization" are analyzed. The processes of forming a strong procedural figure of charge, observed over the last decade, giving him considerable powers are accompanied by visible for the unaided eye bias towards increasing the powers of persons prosecuted for crimes in the sphere of business. We can say that we are witnessing the formation of a certain degree of social class procedural form. As far as this is justified by the idea of how its implementation will ensure the preservation of the traditional pillars of the domestic criminal proceedings and many other related problems are discussed. Some ways to limit the spread of such initiatives in order to ensure citizens' rights to access to justice in a fair basis are proposed. This right here is based not only on the equality of all before the law, but rather to ensure that all persons involved in the criminal process have equal opportunities, depending on the particular situation of forensic investigation in the case. It seems that the unity of the procedural form must be respected in all cases at any stage of judicial reform. The transformation of the domestic criminal justice system into the US analogue may be detrimental to the country's future and its prospects in the international arena.

Key words: humanization of the criminal procedure law; access to justice; justice.